Старик'отъ и говоритъ старухѣ: „На-ко ты, старуха, посопися — ровно тутъ наша-та снѣжурочка говоритъ!“ — Вотъ и старуха стала сопиться, дудочка опеть выговаривать:

„Матушка, потихоньку,
Свѣтъ-родна, помаленьку!
Двѣ миня сестрицы убили,
Подъ сыръ дубъ схоронили,
Виничкомъ прикадили,
Чеботомъ притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отънимали“.

Старикъ'отъ и говоритъ мужикамъ: „Гдѣ,—говоритъ:— дудочку-ту вы взели?“ — Мужики-те пошли да и указали. Старикъ со старухоу [?] стали въ томъ мистѣ копать, да и выкопали дѣушку-ту снѣжурочку. Она у ихъ ожила. Стали онѣ жить да быть, да и теперя живутъ.

---

77. Морозко.

(Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1863 г., № 40, стр. 205—206).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ была дочь. Старуха-та умерла, старик'отъ и здумалъ жениться; взялъ Егу-бабу съ дочерью жо.

Вотъ эта Ега-та баба не залюбила старикову-ту дочь, пачерицу-то. — „Старикъ, увези іе въ лѣсъ! мнѣ, — говоритъ:—не надо іе!»—Старику-ту жаль было іе, дочь-ту, да *чо* сдѣлашъ?—„Садися,—говоритъ:—мила дочь, въ сани!“— Ѣхали, ѣхали онѣ по дорогѣ по большой, нашли дорожку малиньку въ лѣсъ. Старикъ и высадилъ дочьку-ту изъ саней: „Поди,—говоритъ:—мила дочь, куды хочешь!“

2. Вотъ она и побѣжала. Бѣжала, бѣжала по дорожкѣ-то, добѣжала до избушки. Зашла въ избушку и стала жить. Вотъ по утру

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ.

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „Тепло, Морозушко, тепло, батюшко“ [1]). — Вотъ Морозко и нанесъ ей и хлѣба, и скота, и живота—всево нанесъ.

На другое утро опеть

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „Тепло, Морозушко, тепло, батюшко“. — Вотъ онъ нанесъ ей шубъ и постелей, и всево, чево надо.

На третье утро

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „Тепло, Морозушко, тепло, батюшко“.—Вотъ онъ нанесъ ей золота и серебра и всякова имѣнья. Стала она жить теперя богато.

3. Вотъ Ега-баба и посылать старика: „Поѣзжай-ко, старикъ, привези дочь-ту: замерзла *знать-то*“.—Старикъ и поѣхалъ искать дочь.

Ѣхалъ, ѣхалъ по большой дорогѣ, нашолъ дорожку-ту въ лѣсъ, свернулъ да и поѣхалъ по ей. Вотъ, ѣхалъ, ѣхалъ, до избушки-то и доѣхалъ. Поставилъ лошадку, привезалъ ко крылечку и зашолъ въ избушку.

Вотъ дочь-та обрадовалась: „Ой, батюшко родимой пріѣхалъ!“ — Напоила-накормила ево. — „Мила дочь, я, — говоритъ: — пріѣхалъ по тибя: складывай имѣнье-то, пойдемъ домой!“—„Поѣзжай-ко,—дочь-та говоритъ:—приведи лошадокъ: имѣнья-та у миня много!“

Вотъ, онъ съиздилъ, привелъ лошадокъ, склали имѣнье-то и повезли домой. Подъѣзжаютъ къ дому-ту,—собака у ихъ—така сердита была—и лаетъ:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Животы въ коробейкахъ
Стучатъ да бречатъ.

[1]) Слова эти говорятся плавно и нѣжно. (*П. В.*).

Вотъ Ега-баба, мачиха-та, выбѣжала съ ухватомъ, ну бить собаку-ту: „Лай, — говоритъ: — кос(т)ки въ лукошкѣ стучатъ да бречатъ!“—А собака все свое:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Животы въ коробейкахъ
Стучатъ да бречатъ.

4. Вотъ старикъ привезъ дочь. Ега-баба рада, што имѣнья много пачерица привезла, и говоритъ сторику: „Старикъ, увези-ко мою-ту дочь въ лѣс'отъ: не разбогатіетъ ли она!“— Вотъ онъ запрягъ лошадку и повезъ Егишну. Ѣхалъ, ѣхалъ, до тые дорожки доѣхалъ и высадилъ: „Поди, куды хочешь!“

Вотъ она побѣжала по дорожкѣ, до избушки-то добѣжала и зашла въ избушку. Начевала. По утру

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“—„У какое, морозко проклятой, тепло? заморозилъ!“ [1]) (Егишна, то и есть).—Вотъ онъ ишо подбавилъ морозу-ту маленько.

На другой день

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „У! заморозилъ миня, проклятой! Эка стужа!“—Морозко опеть прибавилъ морозу.

Вотъ на третей день

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“—„У! проклятой! совсѣмъ заморозилъ!“—Морозко ишо прибавилъ морозу и заморозилъ іе совсѣмъ.

---

[1]) Говорится грубо. (*П. В.*).

5. Вотъ Ега-баба и посылаетъ опеть старика: „Поѣзжай,—говоритъ:—старикъ, вези дочь-ту съ имѣньемъ!“—Старикъ запрягъ лошадокъ и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ, доѣхалъ до дорожки и свернулъ въ лѣсъ. Вотъ подъѣхалъ къ избушкѣ, привезалъ лошадокъ ко крылечку и зашолъ въ избушку. Зашолъ въ избушку-ту, а Егишна-та ровно кочень. Повалилъ онъ іе въ сани и повезъ домой.

Вотъ подъѣзжатъ къ дому-ту, а собака такъ и лаетъ:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Кос(т)ки въ лукошкѣ
Стучатъ да бречатъ!

Ега-баба выбѣжала. Ну ухватомъ *водить* собаку-ту: „Лай: животы въ коробейкахъ стучатъ да бречатъ.“ — А собака одно-што:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Кос(т)ки въ лукошкѣ
Стучатъ да бречатъ!

Вотъ пріѣхалъ старикъ: „На,—говоритъ:—дочь-ту!“—Била, била старика Ега-та баба, да ничево не сдѣлашъ!“—Стали они жить събогатой-то дочерью, да и теперя живутъ.

---

78. Волкъ и крестьянинъ.

(Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1863 г., № 40, стр. 206).

Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ было семь овечушокъ да восмой жеребеночекъ, да быкъ-пестрякъ, да кошка-судомойка, да собачка-пустолайка, парничекъ да дѣушка.

Жили онѣ подъ горой. Вотъ, и повадился волкъ на гору ходить—сѣдетъ на угорѣ-то да и воетъ—писенки-те поетъ ли *чо* ли. Вотъ волк'отъ и воетъ:

„Хорошъ, хорошъ дворецъ,
Соломенной крылецъ!